

Владимир Лузгин

**АЛФАВИТ
ГРЕШНИКА**

Часть 1

Владимир Лузгин

**Алфавит грешника. Часть
1. Женщина, тюрьма и воля**

«Accent Graphics communications»

2018

Лузгин В.

Алфавит грешника. Часть 1. Женщина, тюрьма и воля /
В. Лузгин — «Accent Graphics communications», 2018

Стихи, представленные в книге, структурированы по алфавиту. Это позволяет легко найти понравившиеся строфы, возвращаться и перечитывать снова. Новизна подачи содержания, так же как и легкость слога, отработанность фраз, многогранность творческих находок, хороший русский язык – отражают суть авторского видения и поэзии Владимира Лузгина в целом. Лирика поэта проникнута высокой гражданской позицией и искренней болью сердца за происходящее вокруг и сейчас. Высокий стих и афористичность, ирония, философские размышления и отступления, всесторонне охватывающие исторические эпохи – от древности до настоящих дней – читаются легко и, безусловно, доставят удовольствие любителям и знатокам поэзии. Каков я есть, таким я и останусь, А остальное – это ничего, Что шёл по жизни, падая и ранясь, Зато своё не предал естество. Судья мне бог и, может, эти строчки, Но знаю: не расплескиваясь зря, Я сохранил себя для одиночки – Безумца, вольнолюбца, бунтаря. Ведь вместо жарких славословий, Во имя пройденных высот, Я выбрал голос русской крови, А остальное – всё не в счёт.

© Лузгин В., 2018

© Accent Graphics
communications, 2018

Содержание

А		7
	«А заплачу – изменится жизнь хоть на йоту...»	7
	«Аз – альфа, смысл и суть вселенной...»	8
	«Алым – ярче текущего в жерлах металла...»	9
	«Ашшурбанапал был обычным тираном...»	10
	1	10
	2	10
	«Аще ваших тузов бьют козырные масти...»	12
Б		13
	«Бал дворянский! Оркестр полнокровный!...»	13
	«Балкон напротив, а на нём...»	14
	«Без сдержек и противовесов...»	15
	«Бессильны акты и уставы...»	16
	«Больше у России нет друзей...»	17
	«Боюсь, когда на лодку катит вал...»	18
	«Бровей багровой глухаря...»	19
	«Брызги крови во мху – осень сыплет брусничкой...»	20
	«Был я в деле, был я в доле...»	21
В		22
	«В год тридцать третий нашей эры...»	22
	«Ванька ротный, Ванька взводный, Ванька рядовой...»	24
	«Ведь не зря тратил я молодые года...»	25
	«Весенний ветерок лепечет...»	26
	«Весы справедливости – верные, точные...»	27
	«Волею чьей пред мною ты явлена...»	28
	«Время забыться и время подняться...»	29
	«Вы – что не грезили собой...»	30
Г		31
	«Ген рабства кровь моя несёт...»	31
	«Глядеть – глядел...»	32
	«Глубока вода и темна...»	33
	«Говорят, что пить одному нельзя...»	34
	«Года пролежав под застывшей землёй...»	36
	«Голубь бился в моё окно...»	37
	«Гопота тоскует об империи!...»	38
	«Гости, я их ждал, и вот без стука...»	39
	«Грузовые вагоны мчат сквозь тьму и сугробы...»	40
	«Гуси-лебеди! Чайки-вороны...»	41
Д		42
	«Да, волк-одиночка. Пустынник и странник...»	42
	«Дабы друг не дрогнул пред бедой...»	43
	«Давно у милой я в долгу...»	44
	«Денег нет. Ума палата...»	45
	«Диагноз мой поставлен точно...»	46
	«Дни – одинаковые и пустые...»	47
	1	47

	2	47
	3	47
	«Доверялись бы мы до конца матерям...»	49
	«Довольный выпавшей удачей...»	50
	«Догорает последняя свечка...»	52
	«Дождаясь подруги своей...»	53
	«Дорогой, из быта астраханского...»	54
	«Дождь пошёл вперемежку с крупюю...»	55
	«Должен не кто-то, а лично сам...»	56
	«Душа твоя открыта неспроста...»	57
	«Дым над городом, над полями...»	58
	«Дьявол, видимо, выбрал нас...»	59
Е		61
	«Евангелие мучу до утра...»	61
	«Едва живой – сужу по разговорам...»	62
	«Ей мягко спится, кушается всласть...»	63
	«Есть у меня рядом с домом ручей...»	64
Ё		65
	«Ёжик, как он там – в тумане...»	65
	«Ёлка...»	66
	«Ёкнет сердце, если гляну...»	67
	«Ещё под рокот грозовой...»	68
Ж		69
	«Жадный и несчастный, мерзкий человечек...»	69
	«Жаль, нет на свете пастыря благого...»	70
	«Жизнь моя, как суровая бязь...»	71
	«Жить не по лжи – уже бунтарство...»	72
З		73
	«За ручьем, где у птиц водопой...»	73
	«Забывшись или голоса...»	74
	1	74
	2	74
	3	74
	«Задумано ловко неведомой силой...»	76
	«Заедали мы хлебом с луком...»	77
	«Закат, уменьшаясь до кромки горящей...»	78
	«Застава. Обычный, обыденный май...»	79
	«Заставлю сердце я – запоминай...»	80
	«Зашипело и вот, за вагоном вагон...»	81
	«Звенит капли телефонный зуммер...»	82
	«Здравствуй, бархатное утро!..»	83
	«Зельем добрым начинены...»	84
	«Заумь листьев, ветерком гонимых...»	85
	«Звезда твоя с моей звездюю...»	86
	«Зеркало лжёт, как и все зеркала...»	87
	«Зеро мне выпало, зеро...»	88
	«Зимою. Тундра. Вечером. Таймыр...»	89
	«Зной безумствует, жжёт который день...»	90
И		91

«И покуда гром не грянет...»	91
«Иван-чай отцвёл, иссеклась пыльца...»	92
«Игру открыл Всевышний красным...»	93
«Иду – нагой в бахилах ледяных...»	94
«Из груди, где жар опять...»	95
«Ингварь прибудный: купец, гость и воин...»	96
«Искрит метель, дорог шлифуя лёд...»	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Владимир Лузгин

Алфавит грешника. Часть первая. Женщина, тюрьма и воля

А

«А заплачу – изменится жизнь хоть на йоту...»

А заплачу – изменится жизнь хоть на йоту,
Или если покаюсь – то по новой вернёт
Юных грёз облупившуюся позолоту,
Что за золото я принимал в свой черёд?

И когда полыхнут громовые раскаты
Иль холодные руки протянет пурга,
Объяснит ли судьба, чем пред ней виноватый,
Коли так беспощадна она и строга?

Неужели ей жалко сотню тысяч зелёных
На квартиру и дачу посреди сосняка,
Строганины из нерки, литра водки палёной
И холодного пива до открытия ларька?

Ну и, главное, песни той, которою брежу,
Как подросток на женщин случайных смотря,
Правда с каждой весною всё спокойней и реже,
И всё чаще из окон чужих втихаря.

«Аз – альфа, смысл и суть вселенной...»

Аз – альфа, смысл и суть вселенной,
И точка над последним і,
России сын благословенный,
Что проклят и забыт людьми.

Свободный – рабству я обязан,
Когда от уз освободясь,
Не одичав от зла и грязи,
Простил врагам и зло, и грязь.

И остаюсь самим собою
Меж искушающих лжецов
Под твердью божией святою
Вдали от хижин и дворцов.

Предтеча будущих пророков,
Провидцев, магов, колдунов:
Как квинтэссенция пороков,
Как сила благостных основ.

Остерегающий надежду,
В беседах ищущий ума –
Пусть на тюремную одежду,
Давно мной сменена сума.

Позор меня да не минует,
А счастье отблагодарит,
Что жил в беспамятстве и всеу,
Где чернь позорная царит.

И кружит Клоты бестолковой
Нелепое веретено,
Пока заказанное слово
Судьбой не произнесено.

«Алым – ярче текущего в жерлах металла...»

Алым – ярче текущего в жерлах металла,
Половину небес залило, обметало.

А второю, остывшей, укутались ели,
Им казалось – надёжно, от дождей и метелей.

Так прости их, Господь, да и нас вместе с ними,
Если жили бездумно мечтами пустыми.

Ну, а если не хочешь, иль просто не силе,
Позабудь, словно мы ничего не просили.

«Ашшурбанапал был обычным тираном...»

1

Ашшурбанапал был обычным тираном,
Таким же, как до или после него,
Грозой Иудеи, Египта, Ирана
И прочих окраин из мира того.

Он так и остался бы в лике злодеев,
Кем наша история населена,
Из тех, что великие зверства содеяв,
Ославлен и проклят на все времена.

Хотя, может быть, они это хотели,
Оставив свои описанья побед
На дикой скале или царственной стеле,
Без страха пред мнением будущих лет.

Но в дьяволом выстроенной веренице
Безумных бесчинств, лишь Ашшурбанапал
От судного часа сумел уклониться
Туппумами, что для архива собрал.

И зря угрожал он жестокою карой
Тому, кто без спроса табличку возьмёт,
Зане, вопреки грабежам и пожарам,
Труд жизни его возвращён в обиход.

Сказания. Кодексы. Акты. Анналы.
Ан. Ки. Сотворенье. Потоп. Авраам.
Ничто, превратившееся в Начало.
И в чём-то, пусть смутно, понятное нам.

2

А кто-то, при власти он или в опале,
Смотрящий на зоне, шестёрка в гаи,
Как в зеркале видит в Ашшурбанапале
Несбывшиеся притязанья свои.

Глумленье, тщеславие и святотатство,
Насилие женщин, и чтоб на века –
Ни с кем несравнимое в жизни богатство

С потёками крови, замытой слегка.

«Аще ваших тузов бьют козырные масти...»

Аще ваших тузов бьют козырные масти,
Аще пики пришли к оглашённым червям,
Ни при чём здесь ни случай, ни эпоха, ни власти,
Выбор сделать до хода жизнь представила вам.

И никто помешать вашим планам не в силе –
Заложиться на банк, уступить, пасануть,
А когда вы получите, что заслужили,
О случившемся с вами не жалеите ничуть.

Не держите обиду и зависть под сердцем
К тем, кто выставил вас дураков дураком
В чэчэвэ, в карамболе, в генерале и терце
Или в вами задуманном деле другом.

Что считать не пришедшие вовремя флеша
И нечаянно взятые ералаши,
Лучше, вспомнив Петра, его «Камо грядеши?»,
Помолитесь неслышно за спасенье души.

Б

«Бал дворянский! Оркестр полнокровный!..»

Бал дворянский! Оркестр полнокровный!
Канделябры, колонны, паркет.
Словно не было, не было словно
Страшных и героических лет.

Зря сражались и гибли напрасно,
А потом ещё шли под расстрел
Сотни тысяч, и белых, и красных,
И кто выбрать цвета не успел.

Но смеётся и пляшет Россия!
От кавказских до северных вод
Торжествуют князья голубые
Меж сменивших окраску господ.

Бал в разгаре. Кружа и взметая,
Льётся музыки сказочный дождь,
Под которым визжит золотая,
Бриллиантовая молодёжь.

Чьи отцы – патриот к патриоту,
Выжигая свободы до тла,
Напилили без меры и счёту,
Как они называют, бабла.

Вот и знать не хотят нувориши
Под надёжною крышей ЧК,
Что в народе всё явственней слышен
Голос Блюхера и Колчака.

Не случайно, за ордунг радея,
На отмытый от крови помост,
Ставит власть монументы злодеев,
Аккурат в подполковничий рост.

И грохочет оркестр полнокровный!
Канделябры, колонны, паркет.
Словно не было, не было словно
Страшных и героических лет.

«Балкон напротив, а на нём...»

Балкон напротив, а на нём,
Как от мужских объятий тая,
Соседка в платье голубом
Лежит, случайный текст читая.

И что заставило её
Забросить рыбу в маринаде
И пересохшее бельё
Потрёпанной книжонки ради.

Каким сюжетом сражена
Красотка с королевским взором:
Благополучная жена,
И дважды мать, и скоро сорок.

Лак на ногтях лежит с утра,
В порядке губы и ресницы,
Но предрешенному вчера,
Сегодня, видимо, не сбыться.

Вечерний дождь снимает зной
И гасит уличные гулы.
Прошёл субботний выходной.
Над книгой женщина уснула.

Вернувшись вновь в разгул страстей
На фоне серой прозы буден –
Ведь скоро будет сорок ей.
А восемнадцати не будет.

«Без сдержек и противовесов...»

Без сдержек и противовесов
Власть абсолютная, она
От бога при посредстве бесов
Для наказания дана.

Ну, а богатство, нажитое
На муках и крови людской –
Не меньший знак: воздастся втрое
При встрече с огненной рекой.

Как незаслуженная слава,
Собой торгующих господ,
По справедливости и праву
Всё в ту же бездну приведёт.

Лишь только тот, кто чист и честен,
Сколь жизнь его ни тяжела,
Достоин быть в заветном месте
Среди заветного числа.

Дабы в Великую Седмицу,
В своё второе рождество
С Отцом навек соединиться
В чертогах Царствия Его.

«Бессильны акты и уставы...»

Бессильны акты и уставы,
Обыденных событий ход,
Когда по сердцу взгляд лукавый
Острее бритвы полоснёт.

Бесплоден приворот старинный
И паутина прошлых пут,
Коль губы спелю малиной
Притягивают и зовут.

А грудь, мелькнувшая сквозь вырез
Китайской кофточки цветной,
Хотя и нет прекрасней в мире,
Уже открыта предо мной.

Её соски желез молочных,
Твердея под рукой моей,
Нам обещают рай бессрочный
До окончанья наших дней.

И всё равно, как это чудо,
Чем заслужил я и когда,
Раз ты явилась ниоткуда
Спасти меня от вникуда.

«Больше у России нет друзей...»

Больше у России нет друзей,
Исключая армии, и флота,
Жуликов всех рангов и мастей,
Да «шестёрок-жириков» без счёта.

Дальше – хор попов про третий Рим!
Питерские, брайтонцы, мигранты.
Вертикаль и, непоколебим,
Рейтинг венценосного гаранта.

А вокруг извечные враги,
Крик сестёр вчерашних вороватых
Под Китая гулкие шаги –
Тоже нами вскормленного брата.

И потом, наверное, в аду,
Черти ждут нас, веривших на слово,
По весне в двухтысячном году
Летоисчисления Христова.

Потому и нет у нас друзей,
Исключая армии, и флота,
Жуликов всех рангов и мастей,
Да «шестёрок-жириков» без счёта.

«Боюсь, когда на лодку катит вал...»

Боюсь, когда на лодку катит вал,
А ветер лишь крепчает, пеной вея,
И грешен, что животных убивал
Не для еды насущной – для трофея.

Мне стыдно говорить про геморрой,
Тем более показывать кому-то,
Хотя бывает утренней порой
Почти невыносимая минута.

Чего скрывать, я жаден и ленив,
Неадекватен и непостоянен,
С первопричиной путая мотив,
Как баб доступных путают по пьяни.

С господствующей логикой мирясь,
Свой интерес всегда держу в уме я,
Не прерывая дружескую связь
Со всеми, кто со мной её имеет.

И вычеркнув, как фейк, ночной дебош,
Мне дышится свежо, легко и ровно.
Чего скрывать, я дьявольски хорош
И ангельски приятен, безусловно.

«Бровей багровой глухаря...»

Бровей багровой глухаря
И ярче крови глухариной
Сползает медленно заря
На травы с поросли осинной.

Как ранее по кедрачу,
По соснам, взвившимся над строем,
Где были тучи по плечу,
И звёзды, льющиеся роем.

Хотя известно на земле:
Она лишь отблеск солнца краткий,
Пока блаженствует во мгле
Восток, на сладость неги падкий.

Проснётся он и хлынет свет,
Открыв назначенное зрячим:
Кто будет вскормлен и согрет,
А кто для жертвы предназначен.

При этом выигрывает тот,
Чьё сердце в сумраке урочищ
Ритм выживания найдёт,
Не заморачиваясь прочим.

А те, другие, сгинут зря,
Под дробью пух развеяв пудрой,
Приняв за брови глухаря
Следы кровавые под утро.

«Брызги крови во мху – осень сыплет брусничкой...»

Брызги крови во мху – осень сыплет брусничкой
Да рядами маслят по оленьей тропе:
Это доля твоя, чем с тобой, с горемыкой,
Расплатилась судьба, что ты выбрал себе.

Ведь ещё повезло – не оборыши встретил
Под приветливым солнцем, хоть пора холодам,
И вернулся домой в срок, который наметил,
И устал не до смерти – сообразно годам.

Так чего ты бурчишь, расплатившись с ментами,
Перекупщикам сбыв результаты трудов,
И палёнкою друга, как всегда, остограммив
В прибазарном шалмане между мелких воров.

Лучше, вспомнив былое, со слепым гармонистом
Спойте песню любимую хором втроём,
Чтоб её подхватила своим голосом чистым
Всем шалавам шалава за соседним столом.

И не трогайте мать, мать вашу – Россию,
Что, детей разогнав, как назойливых псин,
Холит новых хозяев, пряча глазки косые
За зеркальными окнами офисов ФСИН.

Неужели вы четверо, вместе с другими,
Заслужили иное за деянья свои,
Если челядью верной при каждом режиме
Прославляли господ за пайки и паи.

Или может не вы, самодержцу в угоду,
Под попов и начальничков брань и враньё,
Словно дикого зверя обложили свободу
И волками в клочки растерзали её.

Брызги крови во мху – осень сыплет брусничкой
Да рядами маслят по оленьей тропе:
Это доля твоя, чем с тобой, с горемыкой,
Расплатилась судьба, что ты выбрал себе.

«Был я в деле, был я в доле...»

Был я в деле, был я в доле,
Встречен, принят, окормлён
Женщиной, тюрьмой и волей
К вящей гордости сторон.

И немало позабавил
Окружающих при том,
Что боролся против правил,
Насаждаемых кнутом.

Был я в силе, был я в деле,
Форс держа и теща нрав,
И сколь власти ни радели,
Отступили, не сломав.

А в ответ им красной нитью
Гнев отвечивал в стихах,
Что писались по наитью,
На лету да впопыхах.

Был я в теме, был я в силе,
Даже в худшие года,
Как меня не поносили,
Пипл, попы и господа.

Но по фраерской привычке
Лишь смеялся я до слёз
От запоя до больнички,
Не беря того всерьёз.

Был я в доле, был я в теме,
Потому и бил с носка
Вместе с теми, вместе с теми,
Кто не ссучился пока.

Ведь не зря же жребий божий,
Разделяющий людей,
Даст любому, что тот сможет
Удержать в судьбе своей.

Потому и был я в доле,
Встречен, принят, окормлён
Женщиной, тюрьмой и волей
К вящей гордости сторон.

В

«В год тридцать третий нашей эры...»

В год тридцать третий нашей эры
На перекладине креста
Он, символом грядущей веры,
Смерть принял в образе Христа.

И чтоб другим не оскверниться
И в сроки соблюсти закон,
Омытый, в белой плащанице
Был в тот же вечер погребён.

Но слух прошёл меж прозелитов,
Что он воскрес и в час ночной
Не раз встречался в месте скрытом
С учениками и женой.

А Савл, в ходатае за сирых
Узрев иное естество,
Явил пред городом и миром
Как сына божьего его.

С тем и живут с тех пор поныне
Жрецы в сиянии свечей,
Что вдовы им и глас в пустыне,
И жертвы царских палачей.

Собор с торгующими в чреве,
Бесовский блуд полурасстриг
Под, не стесняющийся в гнев,
Медийных проповедей рык.

А где же тот в венце из тёрна,
В крови, сочащейся из пор,
Поднявшийся над чернью вздорной
На осмеянье и позор?

Реб Иешуа Бен Йосеф,
Чьи речи за строкой строка
Ветра истории разносят
Сквозь расстоянья и века.

Но ежедневно, ежечасно
В ответ нашёптывает змей

О жертвах истины напрасной
И разуверившихся в ней,

Кто получает мерой полной
Блага мирские за отказ
От совести и мук духовных
В стране, грешащей напоказ.

В которой с яростью звериной
Народ готовится опять,
Чтоб Человеческого сына,
Предав, унижить и распять.

«Ванька ротный, Ванька взводный, Ванька рядовой...»

Ванька ротный, Ванька взводный, Ванька рядовой –
Навсегда они остались на передовой.
При дороге, меж пролесков, посреди болот,
Где попали под бомбёжку или арналёт.

Труп на трупе, слой на слое, падая внахлёт,
Как свалили пулемёты вставших в полный рост.
Молодые и не очень, на одно лицо –
Брошенные без поддержки, взятые в кольцо.

Голод, вши, мороз, сексоты, смерш и трибунал,
Да в тылу за сотню тысяч грозных погонял,
Что сегодня гордо встали в бесконечный ряд
Величавых монументов, словно на парад.

Кто-то в бронзу, этот в мрамор, тот в гранит одет –
Соколы отца народов, маршалы побед.
Погубившие без счёта, чьих-то сыновей
По хозяйскому приказу, к выгоде своей.

Чтоб их внуки под прикрытием власовских знамён
Вновь страну в игре азартно ставили на кон.
За начальством повторяя: «Надо – повторим»,
Зная – не найдётся смелых прекословить им.

И, конечно, не осадят, не остерегут,
Те, кому давно не страшен самый страшный суд.
Ванька ротный, Ванька взводный, Ванька рядовой –
Кто ответил за безумье власти головой.

«Ведь не зря тратил я молодые года...»

Ведь не зря тратил я молодые года
Там, за речкой, за чёрной горою,
И горит на груди Золотая Звезда,
Как положено это Герою.

Сторожил я с друзьями Тадж-Бекский дворец.
Замирал кишлаки по горам Кандагара.
И холодная сталь, и горячий свинец
В моё тело входили не даром.

Я у Сунжи в лесу, окружённый, один
Отбивался в упор от давнишних знакомых,
Но не умер и взял, как и дед, свой Берлин,
Хоть его и зовут по-другому.

Почему же сегодня мне в спину кричат
О каких-то правах и свободах,
Если я по приказу навёл автомат
На хохлатых фашистских уродов.

Я – отечества воин, воспитанный в ГРУ,
Заявляю всем сквозь балаклаву:
Если надо – убью, если надо – умру
За вождя, за народ, за державу.

И никто помешать не сподобится мне,
Присягнувшему Русскому флагу,
Знайте: я, как отец на сибирской броне,
Введу в мной усмирённую Прагу.

«Весенний ветерок лепечет...»

Весенний ветерок лепечет,
По-детски проявляя прыть,
Дабы скорее окна вечер
Мог тьмой безмолвною накрыть.

Чтоб я уснул и засыпая,
Как в интернетовской сети,
Посредством божьего вай-фая
Себя мог снова обрести.

Весёлым, смуглым иностранцем
17 лет тому назад,
Под горький запах померанцев
И пенье сладкое цикад.

Вдали отечества родного,
Давно презревшего меня,
За дело, помысел и слово
Срамя, пороча и черня.

Пусть судит бог, но я не скрою:
Как мужику, мне грянул гром,
И стала родина чужою,
И хуже мачехи притом.

А я ведь верил безгранично,
Служил, работал, воспевал
С другими и одинолично,
Без сторожей и погонял.

Но доказать сумели власти:
Стране навеки суждено
Иметь две старые напасти
И с ними новшество одно.

Ну, и зачем мне Муссолини,
Попов средневековый бред
Среди запретов, красных линий
И нарисованных побед.

Я жить хочу открыто, честно,
Среди свободных, как и я,
И не во сне, а повсеместно
До дней последних бытия

«Весы справедливости – верные, точные...»

Весы справедливости – верные, точные,
Хозяина нет им и сторожа нет,
Но каждый из нас в своё время урочное,
Коснётся их чаш, излучающих свет.

Они не знакомы с людским правосудием,
Вершимым нередко во лжи и за мзду,
Где форма и буква – слепое орудие,
Несущее в мир человека вражду.

И с верой не путай их в царстве таинственном:
Под грозные взгляды, меж благостных струй,
Не важно, страдал или предал, единственно –
Покайся и руку холуйски целуй.

Весы справедливости – точные, верные,
Они по-другому выносят вердикт:
То сладкие губы, то язва с каверною,
То вдруг беспричинная ярость владык.

И самое горькое, самое страшное,
По нашим грехам мера долю детей:
Где сын-алкоголик с тоской бесшабашною,
Где дочь над разбитой любовью своей.

«Волею чьею пред мною ты явлена...»

Волею чьею пред мною ты явлена,
Обескуражив, маня, обжигая
Взмахом ресниц прямо в сердце направленным –
Даже в одежде бесстыже нагая?

Ради чего ты очеловечена:
С умыслом каверзным, с целью благою,
Шествуя в нимбе волос обесцвеченных –
Даже в одежде бесстыже нагою?

Или жила где-то рядом с рождения,
Выросла, вызрела, стала такая
Властная, падкая до наслаждения –
Даже в одежде бесстыже нагая.

Впрочем, я сам вождею и жажду,
Как удержаться седому изгою,
Коли мне снишься ты полночью каждую –
Даже в одежде бесстыже нагою.

Ну, а когда я сквозь темень кромешную
Тронуть решился, к себе привлекая,
Расхоталась: чужая, нездешняя –
Даже в одежде бесстыже нагая.

Словно ко мне ты пришла во вселенную,
Разума чтобы лишить и покоя,
Мной, моей памятью запечатленная –
Даже в одежде бесстыже нагою?

И покорившись навек неизбежному,
Как я кому-то скажу: «дорогая»,
Если ты всюду со мною по-прежнему –
Даже в одежде бесстыже нагая.

Так и живу я с мечтами напрасными,
С опустошающей страстью мужскою
К той, кем была ты, играя соблазнами –
Даже в одежде бесстыже нагою.

«Время забыться и время подняться...»

Время забыться и время подняться,
Внемля проклятиям после оваций,
И улыбаясь до судного дня –
Дайте меня мне.
Дайте меня.

Как статуэтку на распродаже:
Жалкого, бедного, нищего даже,
Не заменив ни штиблет, ни ремня –
Дайте меня мне.
Дайте меня.

Камушком, камнем, гранитной плитой,
Надписью к памятнику золотою,
Пламенем вечным святого огня –
Дайте меня мне.
Дайте меня.

Дайте, устав ненавидеть, влюбиться,
Пасть Люцифером и Буддой явиться,
Птицей лететь и идти семена –
Дайте меня мне.
Дайте меня.

Дайте озябнуть и после согреться,
Чтобы на руку друзей опереться,
Лесом брести или там, где стерня –
Дайте меня мне.
Дайте меня.

Дайте свободу и нары на киче,
Всё, что сложилось, и всё, что я вычел,
И подытожив, судьбы не кляня –
Дайте меня мне.
Дайте меня.

«Вы – что не грезили собой...»

Вы – что не грезили собой,
С чужим не жили человеком
И с разъярённой толпой
Не жгли костры в библиотеках.

Вас не учил протоирей,
Мол, если верите приметам,
Врата откроются скорей,
Чем вы подумали об этом.

Ведь свет и тьму в глазах слепых
Не отличить, кто не захочет,
Как день вчерашний от других,
Меня от вас и всех от прочих.

Г

«Ген рабства кровь моя несёт...»

Ген рабства кровь моя несёт:
Ген азиатский, древний, мутный,
Грозящий мне ежеминутно,
Но сладкий, словно горный мёд.
Ген рабства кровь моя несёт!

Как стыдно мне и как мне страшно
Сказать об этом, не таясь,
Что с прошлым чувственная связь
Сильней свободы бесшабашной.
Как стыдно мне и как мне страшно!

Пускай живу в грехе и зле,
Да зло ли собственное тело,
Себя хранящее умело
На прахом вскормленной земле.
Пускай живу в грехе и зле!

Когда умён и обеспечен,
Зачем других мутить вокруг,
Бросая в лица царских слуг
Давно обдуманные речи.
Когда умен и обеспечен!

И пусть внутри вопит душа.
Да, оскоплён, незряч и болен,
Но кто сказал, что я не волен
Жить, сквозь соломинку дыша.
И пусть внутри вопит душа!

Коль крови я с рожденья верен,
Как мой отец и как мой сын,
За то великий господин
Нам срок немереный отмерил,
Коль крови я с рожденья верен!

«Глядеть – глядел...»

Глядеть – глядел.
Постигнуть – не постиг.
Пытался, но не разобрал ни слова,
И прочитав немало умных книг,
Я ничего не приобрел чужого.

Любить – любил.
Да удержать не мог.
Грозил, смеялся, падал на колени,
Бежал куда-то, не жалея ног –
Дитя мечты и порожденье лени.

А сквозь меня судьба моя текла,
И знаю, что не раз дарила случай,
Нередко даже просто волокла
За волосы из темноты дремучей.

Но, видимо, я зол и бестолков,
Притом, сестры и дочери капризней,
Но если так, прошу без лишних слов:
Прости и просто вычеркни из жизни.

«Глубока вода и темна...»

Глубока вода и темна.
И пускай звезда высока,
А дорога вниз от небес до дна
Тоньше крылышка мотылька.

Клён, коль ночь тиха, серебрист.
И пускай ольха золота,
Но возьмёшь когда прошлогодний лист,
Нет различия ни черта.

Жжёт огнём пурга меж снегов.
И пускай к ней мга, как беда,
Если к худшему ты душой готов,
Не сломать тебя никогда.

Боль обид уйдёт в свой черёд,
И пускай кричит дочь навзрыд,
Пеленала мать, в гроб жена кладёт –
Сын запомнит и повторит.

Глубока вода и темна.
И пускай звезда высока,
А дорога вниз от небес до дна
Тоньше крылышка мотылька.

«Говорят, что пить одному нельзя...»

Говорят, что пить одному нельзя,
Говорят: к беде и печали,
А теперь чего, раз ведёт стезя,
Как нам вороны накричали.

Был мой друг как друг, незлобив и прост,
Был мой друг и вдруг – не вернётся.
Унесли его ночью на погост,
Закопали как инородца.

Было у него: синь морская глаз,
Сочный говорок, слух совиный,
А теперь на нём бархат и атлас
И со всех сторон домовина.

На щеках его был румянец густ,
Будто только шёл по морозцу,
А теперь над ним розы чайной куст
Под созвездием Змееносца.

Поступь у него так легка была,
Да и жизнь легла, словно спета,
А теперь кругом холодок и мгла
Без единственного просвета.

Был мой друг как друг, незлобив и прост,
Но случилось так – не вернётся!
Унесли его ночью на погост,
Закопали как инородца.

Значит, по уму, по его делам
Как и раньше, не оценили,
А теперь ему безразлично там
Между сырости, среди гнили.

И любимая, что любимой звал,
Не задумываясь – забыла,
А теперь чего, пусть бы и узнал,
Не дотянется из могилы.

Тоже и родня, умеряя пыл,
Что тут было брать, разлетелась,
А на это он даже не сострил –
Сколько мёртвому не хотелось.

Был мой друг как друг, незлобив и прост,
Лишь одна беда – не вернётся!
Унесли его ночью на погост,
Закопали как инородца.

И причём никто – ни друзья, ни я
Не сказал ему, между прочим:
«До свидания. До свидания,
Если этого бог захочет».

«Года пролежав под застывшей землёй...»

Года пролежав под застывшей землёй,
Томясь незаслуженной карой,
Сегодня общалось открыто со мной
Творенье писца Ахикара.

Не важно, как выглядел автор стихов,
Один из немногих на свете,
Кому поклониться я в ноги готов,
Читая его в Интернете.

Во-первых, сказал ассирийский мудрец,
И это усвоено мною:
Покажется легче пушинки свинец
В сравнении с клеветою.

Ещё, сколько с виду она не добра,
Запомни: не в силах отмыться
Не с глади озёрной и не с серебра
Лукавой притворной блуднице.

И дальше, смиряя гордыню и пыл
Для дружеского разговора,
Тот прав, кто не злился и просто забыл
Причину ненужного спора.

Но больше всего мне последний наказ
Хотелось, чтоб выучил каждый:
Пусть лучше умный ударит сто раз,
Чем глупый похвалит однажды.

«Голубь бился в моё окно...»

Голубь бился в моё окно
И, казалось, кричал о том,
Как там холодно и темно,
Как опасно за окном.

Но лишь створку я отворил,
Приглашая его под кров,
Голубь взмахом светящих крыл
Взвился в небо до облаков.

А я, мучаясь, не пойму,
Нет вины моей иль греха
В том, что нужно было ему
Добиваться вот так стиха.

«Гопота тоскует об империи!..»

Гопота тоскует об империи!
Впрочем, приспособившись вполне
К воровству, бесправью и безверию,
Как Махно, гуляющим в стране.

Хочется царя по типу Грозного,
И его опричных затей,
Иль генералиссимуса звездного –
Друга всех спортсменов и детей.

Пусть давно прошло то время, олухам
Не понять, в молении гундя,
Как их слепота политтехнологам
Помогает вылепить вождя.

Чьи шестёрки в слюнях до истерики
На экранах родины моей
Пресекают происки Америки
И зовут сплотиться поплотней,

Чтоб под визг резиновых шприцрутенев,
Под задорный колокольный звон
Бенкендорфы, плеве и Распутины
Окружали президентский трон.

Чтоб царила всюду имитация.
Встать с колен. Во всем достичь побед.
Минус вымирающая нация.
Плюс Газпром, Транснефть и Петромед.

Потому – да здравствует империя!
И плевать, что бьёмся в западне
Воровства, бесправья и безверия,
Как Махно, гуляющих в стране.

Где подвалы в шприцах одноразовых,
Где в углах – не то, так это в рот.
Господи, прости и не наказывай
В плебс переродившийся народ.

«Гости, я их ждал, и вот без стука...»

Гости, я их ждал, и вот без стука
В предрассветной сонной тишине
Входят постепенно друг за другом
В маленькую комнатку ко мне.

Эльфы – невесомые созданья,
Гномы – горных недр бородачи,
Что остались за лазурной гранью
В Гагой убаюканной ночи.

Феи в электрических коронах,
Ангелы из бабушкиных книг,
Жившие по сказочным законам,
Жаль, к которым так и не привык.

Принцы – благородные красавцы,
Королевы – злы и хороши,
К ним мне приходилось прикасаться
Краешками зреющей души.

Колдуны – соседи непростые,
Добрые волшебники – не в счёт,
Не встречались в жизни мне вторые,
Первые – совсем наоборот.

Людоеды – рост обыкновенный,
Великаны – эти на виду,
Что тут спорить, каждый, непременно,
Принесёт обиду и беду.

Это так. Но я лежу счастливый,
Пусть каких-то несколько минут:
Главное, что папа с мамой живы,
И сестра попала в институт.

А когда сквозь солнечные нити
Разбредутся гости, кто куда,
Я скажу им: «Снова приходите,
И как можно чаще, господа!».

«Грузовые вагоны мчат сквозь тьму и сугробы...»

Грузовые вагоны мчат сквозь тьму и сугробы,
Набивая карманы дорогих москвичей,
Для которых опять арестантские робы
Мужики примеряют на Отчизне моей.

Сколько здесь их лежит поседевших и юных,
Безымянных и тех, кого помним пока –
От Дудинки к Норильску рельсов гибкие струны
При содействии вохры натянули зэка.

Выбивают вагоны дробь на стыках со свистом,
И кричат тепловозы, как от пули шальной,
Где народа враги, кулаки и троцкисты,
От души намахались на природе киркой.

Сколько здесь их лежит осторожных и прятких,
Безымянных и тех, кого помним пока –
От Норильска к Дудинке рельсов чёрные нитки
При содействии вохры размотали зэка.

Снова мутное солнце опускается низко,
Как тогда заблудившись в беспредельной пурге,
И не видно крестов или звёзд обелисков
Над могилами тысяч, привыкших к кирке.

Сколько здесь их лежит трусоватых и смелых,
Безымянных и тех, кого помним пока –
От Дудинки к Норильску рельсов острые стрелы
При содействии вохры прочертили зэка.

А над ними вагоны мчат железной оравой
Меж озёр и речушек, сквозь туманы и гнус,
По отмытым дождями позвонкам и суставам,
Чьи владельцы ковали Советский Союз.

«Гуси-лебеди! Чайки-вороны...»

Гуси-лебеди! Чайки-вороны,
Ну и прочие, кто не прочь,
Если слух прошёл во все стороны,
Как товарищу не помочь.

Солнца луч ещё искрой острою,
Малым пятнышком зыркнул чуть,
Сторожей ночных стая пёстрая
Так и бросилась мне на грудь

Я лежал во мху и помалкивал,
Без сомнения, что добьют,
Коли коршунов клёт расталкивал,
Да и горлицы тут как тут.

Солнца луч ещё даже венчиком
Не сумел в траве рассиять,
По делам своим к малым птенчикам
Разлетелась пернатая рать.

Гуси-лебеди! Чайки-вороны,
Ну и прочие, кто не прочь,
Если слух прошёл во все стороны,
Как товарищу не помочь.

Д

«Да, волк-одиночка. Пустынник и странник...»

Да, волк-одиночка. Пустынник и странник,
Годами и ветром по миру гоним.
Но если я чем-нибудь стрелян и ранен,
То только лишь взглядом небрежным твоим.

Да, волк-одиночка. Схизматик и схимник,
Не вынесший клятв и зарокв пустых.
Но если не холоден мне снежный зимник,
То только от прошлых объятий твоих.

Да, волк-одиночка. Чарун и чудесник,
Уставший и грустный седой соловей.
Но если даны мне от господи песни,
То только во славу улыбки твоей.

Да, волк-одиночка. Банкрот и растратчик,
Напрасно мечтавший о дне золотом.
Но если умру, незаметно и кратче,
То только, чтоб ты не узнала о том.

«Дабы друг не дрогнул пред бедой...»

Дабы друг не дрогнул пред бедой,
Дабы гордо ржал и бил копытом,
Напои колодезной водой
Скакуна каурого досыта.

Не жалея ядрёного овса
И пшеницы золотой отборной,
Чтоб горели чёрные глаза,
Словно угли дьявольского горна.

Хлеб нарежь и круто посоли,
Намешав на витаминах с йодом,
Дай из рук, погладь и похвали
Стать его, походку и породу.

Бархатом протри луку седла,
Затяни пурпурную подпругу
И надень стальные удила
Своему единственному другу.

«Давно у милой я в долгу...»

Давно у милой я в долгу
И с каждым часом всё сильнее,
Да и, наверно, не смогу
Всецело расплатиться с нею.

За губы, что, как плод в раю,
Доныне пахнувшие мёдом,
Волнуют плоть и кровь мою,
Желая или мимоходом.

За эти карие глаза,
Отведшие невзгоды мимо,
Когда житейская гроза
Казалась непреодолимой.

За руки, чем душа моя
Из бездны выхвачена смело,
И, чтоб в себя вернулся я,
Согрето зябнувшее тело.

За грудь, вскормившую детей,
Моих детей, и, между нами,
Так ждавшую среди ночей
Мной ласк не доданных ночами.

За то, как, мучаясь, жила,
Себя казня стократно строже
Среди обыденного зла
И по моей причине тоже.

А то, что верил и любил,
Помочь старался – зря иль кстати,
И каждый день с ней рядом был,
Не принимается к оплате.

Поэтому, как благодать,
Жду до последнего мгновенья,
Коль даст господь мне дописать
О ней моё стихотворенье.

«Денег нет. Ума палата...»

Денег нет. Ума палата.
Или всё наоборот.
Или истинная плата
Только в будущем нас ждёт.

В час, когда суд справедливый,
Раздевая донага,
Перечтёт деривативы
За наличные блага.

Ну, а те, что всё проели,
Промотали, извели,
Поуже добились цели,
К коей в этой жизни шли.

Вероятно, так и будет,
Если выбор невелик,
И себя до света будит
Грязный пакостный старик.

«**Диагноз мой поставлен точно...**»

Диагноз мой поставлен точно.
Не увисев на волоске,
Я растворюсь в воде проточной,
Растаю в глине и песке.

Мой разум – плакальщик о сыне,
Необъяснимых связей плод,
Замолкнет, сгинув в мешанине
Солей, ферментов и кислот.

А тело по каморкам узким
Растащат тысячи жуков,
Как я, не пивший без закуски,
Хватал куски у мужиков.

И лишь немного непонятно:
Душа моя, мой индивид
Используется многократно
Иль только мне принадлежит.

А с нею крест, плита с вазоном,
Июльский дождь, пурга зимой,
И ты с обидой затаённой
Одна бредущая домой.

«Дни – одинаковые и пустые...»

1

Дни – одинаковые и пустые.
Ночи холодные – темень стеной.
А пред глазами потухшими ты и
Слёзы, текущие сами собой.

Ночи бесплодные – боль ниоткуда.
Дни беспросветные – хуже того.
И неизвестно, вернётся ли чудо
Праздника прошлого моего.

2

Где ты и как от меня ускользнула?
Птицей небесной, пятнистой змеей?
В ливень с бесчинством его и разгулом
Или в безмолвный полуденный зной?

Где ты? Сейчас мне так стыдно и больно:
Бес окаянный, беспамятный пёс,
Если своим поведением невольно
Столько несчастья тебе я принёс.

Где ты? Откройся. Забудь о раздоре.
Это не я, это лишних сто грамм
Отняли разум в нечаянном споре,
Стоившим расставания нам.

Где ты? Прости и вернись ко мне снова.
Не дожидаясь чужого суда,
Я обещаю – ни пальцем, ни словом
Не оскорблю твоих чувств никогда.

3

Отче, к тебе обращаюсь я тоже.
Сделай, чтоб крик мой услышать могла
Та, что мне счастья и жизни дороже,
Как бы меня не кляла.

«Доверялись бы мы до конца матерям...»

Доверялись бы мы до конца матерям,
Нас судьба не свела бы и не закружила
В буйном вихре страстей, пред которыми нам
Устоять, как не борется кто, не по силам.

Не стелила бы вьюга своих простыней,
Не узнали бы мы запах летнего сена,
Что ложилось периной под любимой моей,
Под моей дорогой, а точнее – бесценной.

Промолчал бы ручей с ключевой водой,
Не забылись бы мы навсегда, без оглядки
На летящие годы, что кукушкой ночной
Беспощадная жизнь отмечала в тетрадке.

Если бы не будила нас вместе заря,
И при этом сердца в ритме общем не бились,
Смог бы я пред тобою бахвалиться зря
Обещаньями, что вполовину не сбылись?

Но свершилось как есть, нет дороги назад,
И грядёт наказание неудержимо,
Знаю, впрочем, насколько и кто виноват
И за что благодарен любимой.

«Довольный выпавшей удачей...»

Довольный выпавшей удачей,
Отъевшись, ногу залечив,
Стал сукин сын своим на даче,
В кошачий влившись коллектив.

В горах вынюхивал олений,
Карабкаясь как скалолаз,
И уместившись на коленях,
Ждал обожания и ласк.

И подражая псам этапным
Стоял, рыча, при воротах,
Пока в душе его внезапно
Не пробудился дикий страх.

Он выл, всю ночь не умолкая.
Он знал: с сегодняшнего дня
Ждёт жизнь его совсем другая,
Уже не здесь и без меня.

Поэтому среди знакомых
И лиц, неведомых ему,
Затихнув, спрятавшись за домом,
Искал ответа – почему.

Глядел, как пьяные мужчины
Носилки чуть не у земли
До белой с надписью машины,
Ругаясь матерно, несли.

Мотор сначала фыркал, торкал,
Потом, заладив как ханжа,
Заныл и покатил под горку,
Бабахая и дребезжа.

А он понёсся вслед газели
Меж дач, просёлком, большаком,
До пены и до дрожи в теле,
Тоской к хозяину влеком.

Но где ему с его судьбою
Авто летящее догнать,
Когда срослась кость кочергою
И не докармливала мать.

При том, что гулко так и часто
Ещё не било сердце в бок,
И он вернулся на участок,
И у калитки мёртвым лёг.

А ты, отпраздновав поминки,
Сороковины, через год,
Хотя не скажешь без заминки,
Решила – этот подойдёт.

«Догорает последняя свечка...»

Догорает последняя свечка
И, желаньям моим вопреки,
У судьбы не отнять ни словечка,
Ни тем более полной строки.

Что написано, то и зачтётся.
Да уже зачтено: без затей
Называют меня инородцем
На отчизне холодной моей.

Мол, лицом ни в отца и ни в деда
И примера с них брать не спешил,
Разве что не убил и не предал,
Но и не по-хорошему жил.

И гуляя в обнимку с лукавым,
Золотые надежды губя,
Не нажил ни богатства, ни славы,
Чтобы сделать счастливой тебя.

Но на слёзы и боль невзирая,
Не хочу и не спорю с судьбой,
Столько лет отводившей от края
С леденящею тёмной водой.

«Дожидаюсь подруги своей...»

Дожидаюсь подруги своей,
Огорчён, озабочен и жалок,
Бросил он у закрытых дверей
Аккуратный букетик фиалок.

Значит, снова почти до утра,
Сколько хватит здоровья с упрямством,
С ним разделит окурков гора
Одинокое горькое пьянство.

А случится ночью порой,
В миг прозренья немислимо краткий,
Сочинит он сюжетец такой,
Что забудет её без оглядки.

И одно станет в сердце гореть
Посильнее псалма и намаза:
Как бы в книгу судеб посмотреть
Хоть бы скошенным краешком глаза.

Там меж строчек людские пути
От зачатья до смертного края
И зачатья, как их обойти,
И, греша, удостоиться рая.

Знать бы пулям и петлям о том,
Не пришлось бы по баням и тирам
Рвать судьбу, как прочитанный том,
За фанерною дверцей сортира.

«Дорогой, из быта астраханского...»

Дорогой, из быта астраханского,
Из широт едва ли что не рай,
Прихвати хорошего шампанского
И ко мне на север приезжай.

Приезжай к товарищу пропащему,
Несмотря на ветер и мороз,
Погулять, как встарь, по-настоящему,
Во всю силу, надолго, всерьёз.

А потом, когда луна засветится
Или надоест бухать двоим,
Мы Большую с Малою медведицей
Выпить брудершафт к нам пригласим.

И не дай им, боже, кочевряться –
В два ствола напомним небесам,
Что бывает, если кто откажется
Заглянуть на праздник в гости к нам.

Если же ещё чего захочется,
С иностранных сайтов, например,
Позвоним, приедут переводчицы
На любую сумму и размер.

После, в раже, в небольшом подпитии,
Выйдем прогуляться меж домов,
Совершив последнее открытие
На глазах растерянных ментов.

И пусть до обеда в заточении
Будем ждать неправого суда,
Но запомнит наше приключение
Этот городишка навсегда.

«Дождь пошёл попережку с крупю...»

Дождь пошёл попережку с крупю,
Стопроцентно удачу суля,
Лишь не дрогни, рука, с перепюю,
И осечься не смей, капсуля.

Мастерами расставлены точно
В снег по грудь косяки профилей
Под сияющим солнцем полночным,
В майский день, что не знает ночей.

Вот и гуси, за стаю стая,
Сыплют с тёплых китайских озёр,
Предпочтя чужеземному краю
Заполярный родимый простор.

Чтобы вовремя отгнездоваться,
Подрастить хлопунцов и потом,
На крыло их поставив, подняться
На порывистом ветре крутом.

Но куда им до магнумских новшеств!
И господь вряд ли в силе помочь
В миг, когда на картечь напорювшись,
Загогочут и кинутся прочь,

И, оправившись, духом воспрянут,
Набирая потерянный лёт,
Иль подранками в сторону тянут,
Или мёртвые бьются об лёд.

А потом кто-то делает снимок
И на кровь выпьет граммы свои,
Закусив золотым апельсином
После сала домашней свиньи.

«Должен не кто-то, а лично сам...»

Должен не кто-то, а лично сам
Встать и ударить он
Волчьей картечью по злым глазам,
И поменять патрон.

После не в яму, не в чистый луг,
Сколько бы не был нем,
Членораздельно и внятно вслух
Всё рассказать всем.

Господи! Дай нам хоть одного,
Способного сделать так,
Чтобы рассеялось бесовство
И отступил мрак.

Боже! Грехи ему отпусти,
В водах своих омой,
Если не поздно ещё спасти
Падший народ мой.

«**Душа твоя открыта неспроста...»**»

Душа твоя открыта неспроста.
В ней царствуют покой и постоянство,
Она легка, воздушна и чиста,
Как кукла из японского фаянса.

И знают все, что ты наверняка
Её достойна поступью и взором,
Ты так чиста, воздушна и легка,
Как кукла из китайского фарфора.

Но мир вокруг циничен, зол и груб,
А куколки хрупки и уязвимы,
И не спасёшься ты от пьяных губ,
Хотя и будешь звать его любимым.

«Дым над городом, над полями...»

Дым над городом, над полями,
Впрочем, трудностей не чиня,
Просто вспомните: рядом с нами
Ингушетия и Чечня.

Боже праведный, это ж было,
А потом закрутило так,
Что, казалось, навек отбило
Жажду драки у забияк.

Обещали кому угодно:
Никогда, никогда, никогда,
Так в движении сумасбродном
Оглянитесь же, господа.

То не тучи темны от града,
И хотя далека беда,
Просто вспомните: с нами рядом
Адыгея и Кабарда.

«Дьявол, видимо, выбрал нас...»

Дьявол, видимо, выбрал нас
Двух, единственных в целой России!
Не случайно – в который раз,
Словно вижу тебя впервые.

Грудь и бедра, и тонкий стан,
Как положено быть фигуре,
И, приложенные к устам,
Пальцы в розовом маникюре.

Не с иконы и не с лубка:
Туфли, платице да косынка,
Пусть подвыпившая слегка,
Но – картинка.

Об одном, даже зубы светло:
Я прошу, чтобы не было хуже:
Брось позорное ремесло,
Коли я в твоём будущем нужен.

Или ты лишь играла, когда
Подавала горячую руку
Без кокетства и без стыда,
Как в охотку вступившая сука.

И заранее зная ответ,
Улыбаясь, как будто в поблажку,
Свой расстегивала жакет,
А на мне разрывала рубашку.

То ль намеренно, то ль невзначай,
От безумия губы спекутся,
Если это любовь – отвечай:
Что тогда в этом мире паскудство?

Не спроста дьявол выделил нас,
Двух, единственных в целой России –
Вот я гляну в последний раз
И увижу тебя впервые.

Грудь и бедра, и тонкий стан,
Как положено быть фигуре,
И, приложенные к устам,
Пальцы в розовом маникюре.

Но возмётся за старое, мразь,
Зря ли куплен тэтэшник на рынке,
Вот и ляжешь в осеннюю грязь,
Как и должно дешёвой картинке.

Е

«Евангелие мучу до утра...»

Евангелие мучу до утра,
Заучивая целые страницы,
Хотя меня осенняя пора
Зовёт скорей в сегодня возвратиться.

Зелёною листвою заслан мох,
Ей жить да жить, но северное лето
Короткое, как человеческий вдох,
Похоже, и не думает про это.

Чего ему, коль выполнена цель,
И семена надёжно укрывая,
Фырчит себе сентябрьская метель,
Как под жокеем лошадь беговая.

«Едва живой – сужу по разговорам...»

Едва живой – сужу по разговорам –
Почти не вылезая из пивной,
Был Франсуа бродягою и вором,
За что и поплатился головой.

Его ловили мэры и приходы,
Готовя суд и грозный приговор,
Когда, покинув каменные своды,
Искал спасенье по лесам меж гор.

Гордись тем, что друзья не продавали,
А девушки пленительнее фей,
Как весело с такими на привале,
Как сладко спать под пологом ветвей.

Но, главное, конечно же, не в этом,
Чего бы не кричали за спиной,
Был Франсуа изгоем и поэтом,
За что и поплатился головой.

Пусть удалось осмеянным монахам
Втоптать его в им родственную грязь,
Он, даже оклеветанный, без страха
Смерть встретил, как в насмешку веселясь.

И пусть стихи не принесли удачи,
Нет менестрелю дела до неё,
И до дворцов, где краденное прячет
Безликое, как моль и тля, ворьё.

Ведь разве импотентам и калекам
Понять дано, хоть волк тамбовский вой,
Был Франсуа свободным человеком,
А за свободу платят головой.

«Ей мягко спится, кушается всласть...»

Ей мягко спится, кушается всласть,
Когда, разврат считая за отвагу,
Поэзия, как девка, продалась
Холёным хамам-клоунам аншлагов.

Но так и мы, в бездействии своём,
Готовы оправдать шальные души,
Бухими, обличаем и орём:
Ни дать, ни взять – провидцы и кликуши.

А протрезвев, очухавшись, молчим.
Развратные, убогие, слепые,
Потомкам недоразвитым своим
Вбивая в темя мифы вековые.

Чтоб вместе с ними, прячась от невзгод,
Среди себе подобных затаиться.
Пока, как все, безмолвствует народ
И радуются избранные лица?

Так встань, страна, не глядя на баррель,
Придите снова Новиков и Герцен,
Вернув надежды, мужество и цель,
Страх изгоняя навсегда из сердца.

Постигли чтоб губители страны,
Сосущие подорванные соки,
Пусть кровью руки их обагрены –
Не оборвать мечты полёт высокий.

И час придёт ответа и суда,
Расплаты за содеянное тайно,
Как раньше повстречались господа
С комиссией чрезвычайной.

«Есть у меня рядом с домом ручей...»

Есть у меня рядом с домом ручей,
Поле – любого Ван Гога цветастей,
Небо и солнце – лишь нет мелочей:
Денег, здоровья и счастья.

Сад у меня есть – земли соток пять,
В нём мушмула с её томною сладью,
Терпкий кизил, только нет, что скрывать,
Денег, здоровья и счастья.

Есть у меня много книг и газет,
Прошлого века и с ятем отчасти,
Много чего ещё есть – правда, нет
Денег, здоровья и счастья.

Сейф у меня есть с запором стальным,
В сейфе ружьё, кофр с рыбацкою снастью,
Жалко, судьба не добавила к ним
Денег, здоровья и счастья.

Есть ноутбук у меня со софтом,
Игры, инет, даже запись в подкасте,
Но досаждают, что нету при том
Денег, здоровья и счастья.

Женщина есть у меня – молода,
Руки горячие с тонким запястьем,
Если обнимет, зачем мне тогда
Деньги, здоровье и счастье?

Ё

«Ёжик, как он там – в тумане...»

Ёжик, как он там – в тумане,
Волк, поющий под столом,
И танцующие Мани.
Остальное детям – в лом.

В красной шапочке девчонка,
Мальчик с пальчиком своим –
По любому плачет шконка,
Как его – посёлок Сим.

«Ёлка...»

Ёлка.
Праздник. Новый год.
Мама парит и печёт.
Папа весел, но не пьян,
Если в руки взял баян.
Вечер.
Яркая звезда.
Как я счастлив был тогда.

«Ёкнет сердце, если гляну...»

Ёкнет сердце, если гляну
В выцветший альбом,
Там все было без обману –
В классе выпускном.

Не любила – слава богу.
Горе превозмог,
Выбрав нужную дорогу
Между всех дорог.

Голова пока на месте.
«Мазда» у двора.
Губы женщин льнут и крестят
Плечи до утра.

В пьяном дыме сердцем тая,
Жизни на краю,
Я все реже вспоминаю
Девочку свою.

Ну, а юностью повеет,
Что теперь с того:
У меня не вышло с нею
Ни – че – го.

«Ещё под рокот грозовой...»

Ещё под рокот грозовой
Был изумрудный пламень трав густ,
Хотя уже кровавил август
Рябин ржавеющей листвой.

И звёзды млечного пути
Подсвечивали то и дело,
Когда в глаза мои глядела
Мечта, являясь во плоти,

Дабы исчезнуть в тот же миг,
Оставив грусть несовпаденья
И горечь мук страстного бденья
Убийц пред казнью иль расстриг.

А окончанье таково:
Ночь над самим собой проплакав,
Я в череде природных знаков
Так и не понял ничего.

Ж

«Жадный и несчастный, мерзкий человечек...»

Жадный и несчастный, мерзкий человечек,
За моей спиной ни дворцов, ни свечек.
Так зачем я бился, бился и бодался,
Если тем же нищим, что и был, остался.

Господи, мой боже, я тебя не слушал,
Истинное будущее незаметно руша.
Над тобой смеялся чуть не вечер каждый,
Между баб дешёвых и друзей продажных,

Даже не заметив посреди загулов,
Как уже преставился – слепенький, сутулый.
Жадный и несчастный, мерзкий человечек,
Никому ненужный смолкнувший кузнечик.

«Жаль, нет на свете пастыря благого...»

Жаль, нет на свете пастыря благого,
Прошедшего сквозь сонм душевных мук,
Кто мог бы силой праведного слова
Изгнать из божьих храмов лживых слуг.

Которым за обман, за святотатство,
За лжепророчества, за попраный закон
Не будет ничего, кроме богатства,
А после жизни – пышных похорон.

Поэтому, быть может, изначально
Так и задумано неведомым лицом,
И мы живём по дьявольским лекалам,
Забытые придуманным отцом.

«Жизнь моя, как суровая бязь...»

Жизнь моя, как суровая бязь,
Под воздействием влаги и солнца
На кусочки, в клочки расплзлась
До последнего волоконца.

Не заштопать и не залатать,
Не найдется такой мастерицы,
Чтобы в дело пустила опять,
Что уже ни к чему не годится.

И никто в этом не виноват,
Что щелчком из программ электронных
Меня вычеркнет некий Госстат,
Сократив дефицит пенсионный.

В честь чего ты с собой алкашам,
Сколько будет их возле могилки,
Разведённого напополам
Спирга дашь по литровой бутылке.

Да в дешёвом кафе за углом
Два десятка больных и болезных
Посудачат о прошлом моём
С видом, сколько возможно, любезным.

Чтоб земли нарастающий гнёт
Оградил меня крепче гранита
От того что, тебя увлечёт
В круговерти житейского быта.

Но припав головою на грудь
Заменившему мёртвого мужа.
Если можешь, прости и забудь,
Если был я хоть в чём-нибудь хуже.

«Жить не по лжи – уже бунтарство...»

Жить не по лжи – уже бунтарство –
Менты докажут, отследя,
А граждане и государство –
Всего лишь слуги для вождя.

К безумствам чьим глухи и слепы
Вчерашние говоруны,
И потому к духовным скрепам
Пожизненно осуждены.

Когда в шмотье, подбитом ватой,
В надплечье головы вобрав,
Толпа плетётся виновато
Для предназначенных расправ.

Ей непонятно, бестолковой,
За что господь из раза в раз
Страну мою своей суровой
Рукой наказывать горазд.

3

«За ручьем, где у птиц водопой...»

За ручьем, где у птиц водопой,
Открываются вашему взору
Сосны, лезущие толпой
По засохшему косогору.

Дальше – куст алычи да айва
Под колючим присмотром кизила,
Да чужая, по пояс, трава
Чьё-то поле заполонила.

Выше – старый, разбитый аул.
Улиц абрисы видятся еле,
Будто иблис крылами махнул,
И Ермолова трубы запели.

Но беспечно, как пьяный лезгин,
Что в кровавых набегах успешен,
Пляшет ветер, прорвавшись с равнин,
Между каменных мшистых проплешин.

А над всем этим смутно видны
Ледники дагестанского плато
В окружении голубизны
Бездны неба без точки возврата.

«Забывшись или голося...»

1

Забывшись или голося,
Прости меня за всё и вся.
Но сделай так, как я хочу –
Прижмись к холодному плечу.

2

В минуту горькую, в которую
Ещё рассудок не погас,
Не добивайся помощь скорую,
Добро – приедет через час.

В канун веселья года нового,
Когда гримасой скошен рот,
Врача не трогай участкового –
Лишь после праздников придёт.

Ни близким и ни дальним родичам
Не сообщай, что может быть,
Ведь из таёжного урочища
Им за неделю не прибыть.

Ну, а тем более случайные,
Меня не знавшие совсем,
Чины и службы чрезвычайные –
У них своих полно проблем.

Ведь не за стол – на место лобное
Спешу, теряя пульс и вдох,
Когда случается подобное,
Помочь бессилён даже бог.

3

Пойми одно: ведь только ты
Вольна вернуть из темноты.
Прижмись к холодному плечу.
А если нет – зажги свечу.

«Задумано ловко неведомой силой...»

Задумано ловко неведомой силой,
Узнать бы подробней, какою, хотя,
Кому это знание жизнь удлинило,
Признав и заслугою важной зачтя.

У времени выбор предельно короткий,
И тем он обиднее для мужика,
Когда всего вдоволь за вычетом водки,
Которой всегда не хватает глотка.

Последнего, самого нужного телу,
А может душе, кто их в этом поймёт.
Так не пожалей мне в стекле запотелом
Сто грамм под с зернистой икрой бутерброд.

«Заедали мы хлебом с луком...»

Заедали мы хлебом с луком
Водку горькую, как вина,
Да с попутчиком одноруким
Откровенничали спьяна.

Он в чеченские войны – в обе,
Отличился не раз, потому
Загудел в полинявшей робе
По этапу на Колыму.

Впрочем, в лагере не терялся,
У хозяина под рукой,
Коль помилования дождался
Ради преданности такой.

После зоны был влёт устроен
Меж подобных крутых ребят,
Знающих, что они герои,
И не знающих, что творят.

Ну, а те, пусть в него стреляли
Под Аргуном и Ведено,
Компаньонами в деле стали,
Если дело у них одно.

С видом тёртого полутяжа,
С шеей бычьей величины
Он обслуживал с ними даже
Категории «А» чины.

И под песню про грады в поле,
За распятых мальчишек встав,
Кровь чужую по личной воле
Лил у Марьенки и Витав.

Окропив и своей немало
Чернозёма и простыней,
Он, заштопанный как попало,
Едет к матери, жить при ней.

Ни семьи и не счёта в банке,
Без руки, но с двойным свищом.
И приняв по последней банке,
Мы уснули. А что ещё.

«Закат, уменьшаясь до кромки горячей...»

Закат, уменьшаясь до кромки горячей,
До ниточки блеклой, растаял, дымясь,
И лунный фонарь засигналил над чашей,
С известными лицами выйдя на связь.

За ним или вместе свирепые совы
Глазищи зажглись меж мохнатых ветвей
У полуразрушившегося зимовья
На севере крайнем Отчизны моей.

Где рос и учился подростком неловким.
Был бит и ославлен, и выжит толпой,
А дальше пошло уже без остановки,
В согласии полном с обычной судьбой.

Под взглядом которой не лёг и не сгинул
Среди чистоплюев, блаженных, блатных,
Держа, не сгибая, ни плечи, ни спину,
Когда награждали иль били под дых.

Седой. Постаревший. Уставший до боли.
Встающий не выспавшись. Верящий в сны.
Но сам, ещё сам, выбирающий роли
Из тех, что мне господом припасены.

Поэтому сердце моё, то и дело,
На родину тянет – на день или час,
Пока ещё в силе рассудок и тело,
И лунный фонарь над тайгой не погас.

«Застава. Обычный, обыденный май...»

Застава. Обычный, обыденный май
За гранью полярного круга.
Кому-то, с мощной – экзотический край,
А мне – место выслуги друга.

За окнами полночь, но ночь ни при чём
На море и острове оном,
Раз солнечный диск у бойца над плечом,
Как пуговка Наполеона.

И чистое небо вокруг, потому
Не скроешь ни жеста, ни взгляда,
Как это обычно в кромешную тьму
Декабрьского снегопада.

Не зря же в заброшенных концлагерях
Не тронут гвоздя нганасаны,
Ведь каждому ясно, что в этих местах
За каждым следят неустанно,

Когда по Навину над стылой землёй,
Веда окровавленным оком,
Холодное солнце стоит день-деньской
Высоко, высоко, высоко.

«Заставлю сердце я – запоминай...»

Заставлю сердце я – запоминай,
Что мне открылось в сумерках белесых:
Дождь ухватился в облако, за край,
И с ним, крепясь, поплыл над стихшим лесом.

И улыбался, ясно почему –
Висела радуга над свежую отавой,
Но молния ударила ему
По пальцам, затекающим в суставах.

Обидно? Да. Так это ж не внове!
А он заплакал и, тряся струями,
Дождь побежал по скошенной траве,
Похрустывая стебельками.

«Зашипело и вот, за вагоном вагон...»

Зашипело и вот, за вагоном вагон,
На Кавказ покатались железные зыбки.
Полдень, солнце, апрель и пустынный перрон:
Ни цветка, ни руки, ни слезы, ни улыбки.

Видно, диктор не смог отыскать нужных слов,
Что пора на Чечню уходить эшелонам,
И захлопнулись двери на железный засов,
Если красный сменили зелёным.

Льётся водка рекою. В разгаре бура.
Анекдоты про чукчу и Вову.
Раз такая в Отчизне настала пора,
Мы на всё без раздумий готовы.

Никого не кляня – ни властей, ни народ,
Знаем: сдаены карты – по чистой, вслепую,
И вернутся домой те, кому повезет,
И останутся жить, ни о чём не тоскуя.

А чего им: любой, вроде, сыт и здоров,
И лишен до конца бесполезных иллюзий,
Что сегодня ему до далёких краёв, –
Где в положенный срок батальоны разгрузят.

Терек буйствует там и растёт барбарис.
Ну и главное: там, директивам согласно,
Бородатые горцы с пацанами сошлись
И мешают зелёное с красным.

Потому и ползут за вагоном вагон –
По железным полозьям железные зыбки.
Полдень, солнце, апрель и пустынный перрон:
Ни цветка, ни руки, ни слезы, ни улыбки.

«Звонит капли телефонный зуммер...»

Звонит капли телефонный зуммер,
Апрельским утром под окном опять!
Но не спешите, я ещё не умер,
И дай мне бог, чего он хочет дать.

Пускай врачу из скорой показалось,
Что не смогу без шприца и микстур
Перенести уже такую малость,
Как перепад ночных температур.

Ату его, он действует по схемам,
Изложенным в студенчестве ему,
Тогда как мне известна эта тема
По сердцу дорогому моему.

Моя болезнь прописана природой,
Процентов где-то восемьдесят пять,
А остальное – водка, нервы, годы
И то, что не могу тебя обнять.

Так и живу, не в силах повиниться,
Сколь ни хочу гордыню победить,
На свете этом одинокой птицей,
Которой проще каркать и вредить.

Тем более, чего там мне осталось –
Туман стихов да блеск клавиатур,
Когда играет роль такая малость,
Как перепад ночных температур.

«Здравствуй, бархатное утро!..»

Здравствуй, бархатное утро!
Значит, снова ночь прошла
И в серебряные росы сконденсировалась мгла.

Здравствуй, солнце!
Звёздной речкой описало ты дугу,
Чтобы алый парус вспыхнул на восточном берегу.

Здравствуй, жизнь!
Люблю и славлю, как бываешь ни горька,
До последнего мгновенья – взгляда, вдоха и глотка.

Здравствуй, милая!
Я снова возвращусь к твоим ногам,
Ну, а то, что слаб и болен, даже вида не подам.

Здравствуй, счастье!
Счастье жизни, солнца, утра и – живой,
Неразменной подруги с поседевшей головой.

Так чего ворчу и хнычу,
И чего ещё хочу,
Если всё, что нужно людям, мне сегодня по плечу.

«Зельем добрым начинены...»

Зельем добрым начинены
Печи огненные, и так:
Не укроешься у жены
И не спрячешься меж гуляк.

А вода кипит в сто ручьёв,
А от масла дым, гарь и смрад,
И не выручит даже отчий кров,
Как не спас тогда божий сад.

Зелья дьявольского полно,
Не затушишь и не смягчишь,
Кто не пробовал – всё равно:
Разгорится сильнее лишь.

Вот и думаем, как нам быть,
За здоровьем следя своим,
И чтоб было чем заплатить,
Продаёмся и шестерим.

«Заумь листьев, ветерком гонимых...»

Заумь листьев, ветерком гонимых,
Белый стих лебяжьего крыла,
Как всегда, но прохожу я мимо,
Сколько бы ни пела, ни звала.

Я тебе от сердца благодарен,
Как забыть: полночная свеча,
Гибкий стан и взгляд манящий карий
Из-за в белом свитере плеча.

Навсегда останутся со мною
Бархат губ и шёлк густых волос,
Дрожь и боль горячею волною –
Всё, что испытать нам привелось.

Но не думай в прошлое вернуться,
Если получилось так у нас:
Это ветви бесконечно гнутся –
Человек ломается на раз.

Ну, а я, храня о прошлом память,
Трезв, свободен, весел и здоров,
На лугу ромашек поздних замять,
В небе звёзды – сорок сороков.

Над рекою – старый дом родимый,
Лодка – два отстроганных весла,
Заумь листьев, ветерком гонимых,
Белый стих лебяжьего крыла.

«Звезда твоя с моей звездой...»

Звезда твоя с моей звездой
Сошлись по воле сил мирских,
Чтоб, где чужие были двое,
Явилось четверо родных.

И сколько жизнь людей не мучит,
Губя сознание и стать,
Ничто нас в жизни не разлучит,
И никому меж нас не встать.

Ну, а когда погаснут звёзды,
И звук последний отзвенит,
Земля, как раньше свет и воздух,
Меня с тобой соединит.

«Зеркало лжёт, как и все зеркала...»

Зеркало лжёт, как и все зеркала
С их амальгамой слепую,
Если ты та же, какую была
В миг нашей встречи с тобою.

В платье горошком, в платке голубом,
С кожей нежней горносталя,
Стройная, гибкая, ну и при том
Иконописно простая.

Локоны ветер взвивает, пьяня,
Солнце слепит и не слепит,
Ты, улыбаясь, глядишь на меня,
Слушая жалостный лепет.

Разве по силам течению лет,
Пусть – с непомерною ношей,
В чём-то ухудшить менталитет
Девочки этой хорошей.

Нет, навсегда ты осталась такой:
Зря ли исходит истомой
Сердце, лишь тронешь горячей рукой –
Бархатной и невесомой.

А отражениям лживых зеркал
Верить, поверь мне, не надо,
Если ты та, что я годы искал,
Пряча тоску под бравадой.

«Зеро мне выпало, зеро...»

Зеро мне выпало, зеро,
Тогда как ставил на себя я:
В мечтах не ездить на метро,
Ведя жизнь сказочного бая.

Тебя до ног озолотив,
И как с отрочества хотела,
В шёлка забрав любой извив
Мною излюбленного тела.

Чтоб быть с тобой без выходных,
Без тяги к новым приключениям
В объятьях девок молодых,
Приставленных для развлечения.

И ты поверила в меня,
Моим зарокам и посулам,
Судьбу свою соедини
Чуть ли не с карликом сутулым.

Живя в стеснении – в ответ,
Смеясь, что звали бедолагой,
Надеясь: тяжесть горьких лет –
Оплата будущего блага.

Оно придёт и ты ждала:
Пусть не всего, пусть – частью, долькой,
Но, не дождавшись, умерла,
Не разуверившись нисколько.

А у меня болит ребро
Иль что осталось от него там,
Зеро мне выпало, зеро,
Наперекор моим расчётам.

«Зимою. Тундра. Вечером. Таймыр...»

Зимою. Тундра. Вечером. Таймыр.
Румянец щёк. Усталая походка.
След утренний – уже почти пунктир.
Обеденный – лежит довольно чётко.

И день прошедший видя на снегу,
Почти пройдя, как и замыслил, путик,
Отделаться от мысли не могу,
Что я мишень в пристрелянном маршруте,

Где ствол ведёт надёжная рука,
В плечо вдавив протекторы приклада,
Уверенная, что наверняка
Меня достанет с первого заряда.

Будь проклят этот год и день, и мразь,
Нам лгавшая о том, что люди – братья:
Когда рука с оружием срослась,
Она не приспособлена к объятьям.

Поэтому, умерив крови бег,
Замедлю шаг, не замедляя хода,
Приглядываясь из-под пухлых век
С поправкою на возраст и погоду.

Нам для двоих среди тундры места нет –
Так было, есть и будет в мире вечно:
Поземка замела вчерашний след
И заметёт сегодняшней, конечно.

Ну, а пятизарядное ружьё,
Одно из двух, как это року надо,
Одно из двух – его или моё,
Решит задачу с первого заряда.

«Зной безумствует, жжёт который день...»

Зной безумствует, жжёт который день.
И ни дождика, и ни тени,
Ночью кажется – расцветёт сирень,
Утром выглянешь – нет сирени.

И ничьей нельзя отыскать вины,
Как ни мучишься – нет ответа,
Несмотря на то, что конец весны,
Завтра первое, завтра лето.

Снова год прошёл. Ах, какой был год!
Сколько предавших и умерших,
Будто дьявол взял землю в оборот,
Как лазутчиков брали в СМЕРШЕ.

А вокруг палит зной который день.
И ни дождика, и ни тени.
Ночью кажется – расцветёт сирень,
Утром выглянешь – нет сирени.

Лишь вороний гай – и о чем шумят,
Если встретятся даже двое:
Или молятся богу невпопад?
Иль скандалят у водополя?

Впрочем, и у нас радость впопыхах,
Да не радость, а отголосок,
Весть из прошлого о других годах,
Что глядят на нас с чёрных досок.

Не поэтому ли который день
И ни дождика, и ни тени.
Ночью кажется – расцветёт сирень,
Утром выглянешь – нет сирени.

И

«И покуда гром не грянет...»

И покуда гром не грянет
Неизбежный, страшный, тот,
Кто в глаза мои заглянет,
Дорогою назовёт?

Ты ушёл, не обернувшись,
Как всегда ломая бровь,
Мой кумир ночей минувших,
Неизбывная любовь.

Чем тебя я обделила,
Что тебе не додала,
Родненький, хороший, милый,
Сердце выжегший дотла.

А ведь ты меня с собою
Уносил в такую высь,
Где мы клятвой гробовою,
Вечной жизнью поклялись.

Побожились словом сладким
Быть, как крылья соловья,
Нас венчавшего украдкой
У тенистого ручья.

Так скажи же, что случилось,
Всё исправлю, лишь бы знать,
Чтобы грозный гнев на милость
Смог ко мне ты поменять,

Иль яснее и доступней
Станет сердцу моему:
Почему клятвопреступник
Мне достался, почему.

И покуда гром не грянет,
Неизбежный, страшный тот,
Кто теперь в глаза заглянет,
Дорогою назовёт?

«Иван-чай отцвёл, иссеклась пыльца...»

Иван-чай отцвёл, иссеклась пыльца
В силу замысла изначального:
На руке твоей нет давно кольца
От меня тебе обручального.

Хоть уже бела голова в висках,
Между рёбер бес рвёт и мечется,
Каково лежать одному впотьмах
Без подруги и без советчицы?

Если некому разбудить-согреть,
Перекинуться словом лакомым,
Значит, испытать мне, что было, впредь
Не удастся больше по-всякому.

Поменялась жизнь, как змеи покров,
Но не постройнеть и не вырасти:
Осень за окном, гиблый дым костров,
Вязкий холодок пьяной сырости.

Вот и видится поутру подчас:
Для меня, тобой обойдённого,
Каждый божий день, как последний час
Без вины на смерть осуждённого.

Что опять один, далеко в глуши
Исстрадавшийся, покалеченный
Словом каверзным, бившим в центр души,
Словно катанною картечиной.

Выпал жребий мне этот невзначай
Или было так и загадано:
Иссеклась пыльца, высох иван-чай
И среди ночи тянет ладаном.

«Игру открыл Всевышний красным...»

Игру открыл Всевышний красным
Под шум винтов и гул мортир
В десятых, сытых и ужасных,
Спешивших переделать мир.

Где с прошлым рвётся связь любая,
И где страна моя, в запой
В двадцатых звёзды зажигаю,
Себя почувствует звездой.

Тогда как черными мастями
Партнёру дьявол отвечал,
Да так, что и поныне с нами
Его пленительный оскал.

Чьи сотни служек вороватых
Трещат с экранов голубых
О неизбежности тридцатых
В преддверии сороковых,

Привычно и невозмутимо
Столбя в сознание миф пустой
О видах оттепели мнимой
И достижениях в застой.

А игрокам всё было мало.
И вот полезли джокера:
Сначала меченый с беспалым,
За ними – фраер из двора.

Чтоб нахлебавшись правдой вдосталь,
Свободы ощущая близь,
Мы обманулись в девяностых
И в нулевые продались.

Не зная, кто же – бог иль дьявол,
В азарте, распаяя нрав,
Страну мою на кон поставил
И просто сбросил, проиграв.

Как и не скажешь сразу, сходу,
Что нам увидеть предстоит,
Пока к намеченному году
Век двадцать первый семенит.

«Иду – нагой в бахилах ледяных...»

Иду – нагой в бахилах ледяных.
Шагнул, как под софиты на премьере.
Меж ангелов зелёных, голубых
Лёг и почил, на срок, по крайней мере.

За что мне это? Вроде жил в чести,
Без бед и ссор с подругой неразлучной,
На всё готов, хоть коз её пасти,
Но тут врачи с их мнением научным.

Прощай, страна лакеев и вельмож,
Дел героических и путанного взора,
Ложусь под скальпель, а случится – нож,
Ведь сколько раз страдал от перебора.

Хотя на стол – не грудью на рожон.
Тем паче – санитарки помогли мне:
Обрит, уколот и перекрещён
Иконкой со святым Николой Зимним.

И вот вошёл в бахилах ледяных.
Шагнул, как под софиты на премьере.
Меж ангелов зелёных, голубых
Лёг и почил, на срок, по крайней мере.

«Из груди, где жар опять...»

Из груди, где жар опять,
Сердце вырваться стремится,
Чтоб ожога избежать
Иль совсем остановиться.

Вот и прожил не по лжи –
Не пророк и не вития,
Чтил законы, платежи
В срок выплачивал любые.

Вверяясь помыслам благим,
Тридцать лет я отработал
По юдолям ледяным
В богом проклятых широтах.

Не боясь, клеймил воров,
Не прислуживал мздоимцам
Из чиновничьих верхов
И чиновничьим любимцам.

И не гнал в толчки бродяг –
Бесприютных, перехожих,
Вплоть до брошенных собак
Или выброшенных кошек.

В зимы снежные, как мог,
Птиц подкармливал кричащих –
Пухляков, синиц, сорок,
В сад слетавшихся из чащи.

А сейчас едва дошёл
До назначенной палаты,
Через силу влез на стол
И лежу себе распятым.

Ни богатства, ни наград,
Только боль и вспышки света,
Да на фоне вспышек ряд
Лиц с на лбу кровавой метой.

Бельма, язвы, дерматит,
Запах серы в волнах смрада,
И никто не объяснит,
Жил ли я, как было надо.

«Ингварь приبلудный: купец, гость и воин...»

Ингварь приبلудный: купец, гость и воин,
Впрочем, в том разницы нет,
В поле славянском навек успокоен,
Словно склавин иль венед.

Широкоплечий, русоволосый –
Скальд, балагур, музыкант –
В поле славянском раздетым и босым
Брошен, как скиф или ант.

Не всё равно ль: от меча, от отравы
С жизнью оборвана связь,
В поле славянском на шёлковых травах,
Обрам уподобясь.

Вороны выключают гордые очи,
Кожи истлеет загар,
В поле славянском меж многих и прочих:
Угров, сарматов, хазар.

Дождь – не вдова по пришельцу заплачет,
Ветер зароет – не брат,
В поле славянском, где половцы скачут,
Где печенег лежат.

И далеко эта весть разнесётся,
Дрогнет и Меря, и Весь –
В поле славянском в костях инородцев
Дивного мака не счесть.

Солнце привстанет – лениво и властно,
Дескать, не удивлюсь!
В поле славянском кровавом и ясном
Близится, близится Русь.

«Искрит метель, дорог шлифуя лёд...»

Искрит метель, дорог шлифуя лёд.
И жизнь моя настроилась на убыль,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.